
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

© 2015 г. Александр Александрович Брестер²

Аннотация: статья посвящена институту реабилитации в уголовном процессе. В ней рассматривается указанный институт под углом конкретного пострадавшего от незаконного уголовного преследования или осуждения и находит, что существующая правовая регламентация не отвечает назначению реабилитации. В статье выделены критерии, которым должна соответствовать процедура реабилитации, среди которых: своевременность, простота и др. С точки зрения выделенных критериев анализируется современное правовое регулирование порядка принесения извинений, компенсации морального вреда и др.; поднимается также ряд сугубо практических проблем, которые скрыты за внешним, казалось бы, благополучным описанием процедуры реабилитации в законе. В итоге автор приходит к выводу о необходимости серьезного упрощения процедуры реабилитации и указывает пути этого упрощения.

Annotation: the paper is devoted to the institution of discharge in criminal procedure. The author considers this institution from a position of a concrete victim of unlawful criminal prosecution or conviction and finds that the present legal regulation does not meet the purpose of discharge. In the paper the criteria which the procedure of discharge should satisfy are specified, particularly, timeliness, simplicity, etc. Current legal regulation of the apology making procedure, moral harm compensation, etc is studied in terms of the above-mentioned criteria. Furthermore, a number of purely practical issues hidden under a seemingly appropriate discharge procedure description stated by the law are risen in the paper. Finally, the author comes up to a conclusion that the discharge procedure should be significantly simplified and marks the ways of such simplification.

Ключевые слова: реабилитация, моральный вред, ошибки в уголовном процессе, прокурор.

Key words: discharge, moral harm, criminal procedure errors, prosecutor.

Уголовно-процессуальная деятельность является самым серьезным легальным ограничителем прав и свобод человека и гражданина, поэтому так велика цена ошибки при её осуществлении. Вред, причиненный незаконным привлечением человека в качестве подозреваемого, обвиняемого, со всеми негативными последствиями вплоть до возможного избрания самых строгих мер пресечения – вред, причиненный незаконным осуждением, трудно измерить. Как писал И.Я. Фойницкий, “нет той ценности, которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные заборы; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду, душевные тревоги близких и его самого никогда и ничем не могут быть вполне искуплены. Оттого-то меры вознаграждения за вред от привлечения к суду, всегда будут недостаточны, всегда останется что-то неискупленное”³.

Не менее важной является и другая сторона проблемы ошибок. С каждым оправданным в случае отсутствия действий по заглаживанию вреда государство не приобретает доверие к себе, а теряет его. Особенно это касается случаев, когда в ходе процесса обвиняемый постоянно настаивал на своей невиновности, но не был вовремя услышан. Только умение государства признавать ошибки и нести за них ответственность может позволить максимально загладить причиненный вред гражданину, а также изменить ситуацию в отечественной правоохранительной системе, которая сегодня как раз делает все, чтобы до последнего ошибки не признавать.

Вместе с тем ошибки в уголовном процессе были и будут всегда. В настоящее время человек не способен к тому, чтобы их не допускать. В любом государстве мира мы можем найти вопиющие примеры судебных ошибок. Важно не это. Важно то, как на эти ошибки реагирует государство, как готово их исправлять.

Ошибки в уголовном процессе могут быть связаны с несовершенством законодательства, с отсутствием специальных знаний или технологий, некомпетентностью сотрудников правоохрани-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-13-24005.

² Старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук (E-mail: russ28@yandex.ru).

³ Фойницкий И.Я. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. СПб., 1884. С. 9.

тельной системы, с намеренными незаконными действиями и т.п.⁴ Бывают и объективные ситуации, когда у следователя, например, были все основания для задержания лица, привлечения в качестве обвиняемого, но при получении дополнительной информации эти основания отпали. Последнюю ситуацию трудно назвать ошибкой конкретного следователя и дознавателя. Это – ошибка в объективном смысле, вывод о наличии которой не мог сформироваться на момент совершения тех или иных действий. Но в любом случае в силу публичной природы российского уголовного процесса, т.е. когда государство берет на себя ответственность за расследование преступлений, именно оно, государство, в полной мере должно отвечать перед человеком за ошибочное его вовлечение в уголовный процесс в статусе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Ошибка должна вести к комплексному анализу причин и условий ее проявления с дальнейшими действиями по их устранению, а также к немедленному устранению последствий, насколько это возможно. Так, например, череда громких судебных ошибок в Великобритании, выявленных в период с 1988 по 1991 г. (на тот момент некоторые из ошибочно осужденных отбыли уже более 16 лет в тюрьме), стала причиной для серьезной работы по изменению ряда процедур в уголовном процессе этой страны⁵. Однако наша статья будет посвящена второму аспекту реагирования на ошибки – действиям по устранению причиненного вреда.

Актуальна ли эта проблема для России? С точки зрения цифр – нет, до тех пор пока прекращенные уголовные дела и оправдательные приговоры находятся в зоне статистической погрешности и в целом незаметны для тех, кто требует и общает отчеты. Так, например, согласно официальной статистике число лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности (в относительном выражении на 1000 обвиняемых) в 2013 г. для системы МВД равно 1, у Следственного комитета показатель – 6, у ФСБ и ФСКН-2 и 1, соответственно⁶, т.е. от 1 до 6 случаев на

1000 расследуемых уголовных дел. К сожалению, не совсем понятно, из чего складывается данный показатель, но если проверить его вручную (в том числе за 2011 и 2012 гг., когда такого показателя не было в статистике), то разница получается не-большой.

Оценив соотношение числа лиц, реабилитированных на следствии, с количеством окончанных и приостановленных дел, можно увидеть, что для следствия МВД этот показатель составит 0,0016, для СК – 0,0066, для ФСКН – 0,0036⁷ (т.е. соответственно, 1,6; 6,6 и 3,6 человек, реабилитированных на следствии, на каждую 1000 дел). Но это – показатель только для следствия. Есть еще дела, прекращенные в рамках дознания и непосредственно оправдательные приговоры. Не вдаваясь в подробности цифр, скажем лишь, что они несущественно меняют статистические показатели относительно частоты случаев возникновения права на реабилитацию в российском уголовном процессе.

Но, чтобы представлять данные не в процентах, а в людях, приведем еще такие показатели. В 2011 г. право на реабилитацию после прекращения уголовного дела или оправдания возникло у 5482 человек, в 2012 – у 4249. Статистика 2013 г. на сегодня неполная. К моменту возникновения права на реабилитацию ко многим были применены меры пресечения, в том числе часть находилась в СИЗО достаточно долгое время⁸ – почти 10 тыс. человек за два года. И это без учета тех, у кого возникло право на так называемую частичную реабилитацию, когда лицо было оправдано по части вменяемых ему составов преступлений.

Каждый из этих случаев – большая трагедия для конкретного человека, жизнь которого нередко разделяется навсегда на “до” и “после”. Нет смысла перечислять все последствия, которые следуют за незаконным уголовным преследованием или осуждением. Отметим лишь то, что большинство таких людей лишаются веры в правоохранительную систему, а за ними – и их близкие родственники, и их окружение. Своевременная и максимально полная реакция государства на судебную ошибку является необходимым условием

⁴ См.: Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины. М., 2014.

⁵ См.: Ashworth A. The Criminal Process: An evaluative study. Oxford, 1998. P. 11. Правда, и здесь не обошлось без замалчивания ошибок. Несмотря на то что основным катализатором созыва Королевской комиссии по вопросам уголовного правосудия в 1991 г. послужили именно судебные ошибки, в отчетах этой комиссии о громких делах замалчивалось.

⁶ Все статистические данные приведены из Единой межведомственной информационно-статистической системы. Показатели ведомства “Генеральная Прокуратура Российской Федерации” (см.: <http://www.fedstat.ru/> (Дата обращения: 25 августа 2014 г.)).

⁷ См.: Шклярчук М.С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов. СПб. – М., 2014. С. 21.

⁸ Официальной статистики тут нет, однако по делам, которые вел автор в качестве представителя в судах г. Красноярска в 2011–2012 гг. из четырех дел по трем на момент прекращения уголовного дела или оправдания заявители находились в СИЗО от четырех месяцев до двух лет.

для сохранения в обществе здорового отношения к правоохранительной системе и спокойного (насколько это возможно) понимания гражданами того, что ошибки, к сожалению, – составная часть любой деятельности, но государство делает все, чтобы их минимизировать, и все, чтобы загладить причиненный вред.

Ощущение же равнодушия со стороны государства по факту ошибки в уголовном процессе порождает, как минимум, равнодушие к государству и праву, а как максимум – агрессивные настроения по отношению к декларируемому правовому порядку.

Реабилитации в УПК РФ посвящена целая гл. 18, в которой более или менее подробно разъяснено, как должен проходить процесс восстановления прав. Однако несовершенство правового регулирования в совокупности с неприятием ценности изложенных в ней положений практическими работниками приводит к тому, что исправление ошибки государства становится делом рук того, в отношении кого ошибка была совершена.

Рассмотрение проблем, связанных с осуществлением права на реабилитацию, начнем с одного из самых простых действий, связанных с реабилитацией, – **извинений со стороны государства**. В устных беседах реабилитированные (даже спустя несколько лет после прекращения уголовного дела) не раз указывали автору на то, что очень обидно после долгих лет борьбы не услышать объяснений ни от кого из представителей правоохранительных органов. Небольшая, несложная, но очень действенная мера в плане минимизации вреда, тем не менее, вызывает массу сложностей на практике и нежелание ею воспользоваться.

По закону согласно ст. 136 УПК РФ извинения от имени государства приносят прокуроры. Оставим в стороне вопрос о том, почему именно прокуроры должны приносить извинения. Увы, в устных беседах прокурорские работники не раз высказывались относительно несправедливости этой нормы. Такими работниками упускается из виду, что извиняются они не за себя лично, а от имени государства. Но уже сам факт такой постановки вопроса наводит на мысли о том, что искренних извинений дожидаться будет тяжело.

Сама по себе данная обязанность выполняется далеко не всегда, еще чаще она выполняется несвоевременно – в период с шести месяцев и до полутора лет с момента возникновения права на реабилитацию. Нередко извинения прокурора становятся результатом судебных решений об обязанности прокурора принести официальное извинение.

Эту практику на недолгий период легализовал Пленум Верховного Суда РФ, закрепив в п. 19 постановления № 17 “О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве” от 29 ноября 2011 г.⁹ положение, согласно которому впредь суд возлагает исполнение обязанности в виде принесения официальных извинений на прокурора соответствующего уровня, если вопрос о принесении извинения прокурором поставлен реабилитированным перед судом. Прокурорские работники восприняли это как освобождение от обязанности приносить извинения самостоятельно и добровольно. На какой-то момент извиняться до решения суда перестали вовсе. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 2 апреля 2013 г.¹⁰ рассматриваемый абзац был исключен.

В случае решения извиниться пострадавшему направляется письмо с текстом, воспроизводящим ст. 136 УПК РФ, и завершающей фразой “приношу извинения от имени государства”. Говорить о том, что извинения, принесенные в таком виде, хоть как-то удовлетворяют тех, кто имеет право на реабилитацию, не приходится. Из тех, кто получает подобного рода извинения, большая часть заявляет об их недостаточности или даже еще большем оскорблении от такого формального отношения после нескольких месяцев или лет в статусе обвиняемого¹¹.

Чаще всего людям просто вручают постановление о прекращении дела в рядовом порядке и никаких объяснений не дают. *Возможно, имела бы эффект обязанность прокурора принять имеющего право на реабилитацию на личном приеме в удобное для последнего время.* На этой встрече у реабилитированного была бы возможность донести все свои переживания и претензии до лица, ответственного за состояние законности на соответствующей территории, а сам прокурор мог бы получить информацию о том, что необходимо предпринять для предотвращения подоб-

⁹ См.: СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁰ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ “О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации” от 2 апреля 2013 г. // Там же.

¹¹ При подготовке данной статьи нами были опрошены 10 человек, получивших право на реабилитацию в 2011–2013 гг. на территории Красноярского края. Четыре человека до сих пор не получили извинения от прокурора, еще шесть получили в форме описанного письма. При этом два человека выразили равнодушие к принесенным извинениям, четыре человека сообщили, что им (в разной степени) неприятны именно такие формальные извинения.

ных ошибок в будущем. На данный момент лицо, имеющее право на реабилитацию, не имеет специальной возможности донести свои переживания до правоохранительных органов. И здесь мы выражаем несогласие с мнением А.Н. Глыбиной и Ю.К. Якимовича, которые сомневаются в том, что “есть необходимость принесения извинений в кабинете прокурора при личной встрече и что невиновное лицо пойдет в прокуратуру для того, чтобы выслушать чьи-то извинения, пусть даже и прокурора. Оптимальным в этой связи будет, если прокурор принесет официальное извинение от имени государства в зале судебного заседания при рассмотрении судом вопросов о возмещении вреда в порядке реабилитации”¹². Во-первых, ничто не мешает извиниться в суде и при обязанности провести личную встречу. Во-вторых, смеем предположить, что в рамках формализованной процедуры судебного разбирательства и само извинение будет лишь некоторым обрядом – не более. Что же касается сомнений цитируемых авторов в том, что вряд ли кому-то захочется идти в прокуратуру, то это зависит от того, как пригласить и как проявить инициативу.

УПК РФ также создает почву для нежелания приносить извинения. Закрепляя обязанность прокуроров приносить официальные извинения от имени государства, закон не предусматривает, во-первых, форму такого извинения, во-вторых, процедуру их принесения и, в-третьих, не указывает, какому именно прокурору извиняться. На наш взгляд, этого в законе быть и не должно. Если прокурор таков, каким его описывал А.Ф. Кони, когда указывал, что “прокурор должен служить обществу” и “это служение только тогда будет полезно, когда в него будет включена строгая нравственная дисциплина и когда интерес общества и человеческое достоинство будут ограждаться с одинаковой чуткостью и усердием”¹³, то вопрос о принесении извинений и личной встрече должен решиться сам собой в рамках нравственного долга.

На практике отсутствие такой конкретизации часто приводит к тому, что извинения просто не приносятся, так как неясно, кто именно, как и в какой форме должен это делать. На заре вступления в силу ныне действующего Закона был даже вопиющий пример, когда прокурор Омской области просил суд обязать принести официальное письменное извинение Ф. прокуратуру Омской

области вместо прокурора Омской области. Суд постановил, что доводы, представленные прокурором о том, что извинение Ф. должен приносить не прокурор, а прокуратура, не основаны на законе и противоречат ч. 1 ст. 136 УПК РФ. Кроме того, поскольку постановление судьи должно быть конкретным и не порождать неясностей при его исполнении, указание в постановлении судьи, на какого прокурора он возложил исполнение такой обязанности (с учетом мнения реабилитированного), не противоречит закону¹⁴.

Учитывая изложенное, мы допускаем внесение изменений в Закон, где будет указано прокурором какого уровня, в какой форме и в какой процедуре должны приноситься извинения реабилитированному. При этом приоритетом, на наш взгляд, является принесение извинений прокурором лично, на приеме, с возможностью высказаться пострадавшему и получить обратную связь. Тем не менее, еще раз с сожалением отметим, что конкретизация указанной нормы свидетельствует о предстоящем долгом пути к реализации эталонных представлений А.Ф. Кони о прокуратуре.

Второй мерой в рамках права на реабилитацию, с реализацией которой возникают большие сложности, является компенсация морального вреда. Согласно УПК РФ вопрос о моральном вреде разрешается в рамках гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК РФ), т.е. лицо, имеющее право на реабилитацию, должно предъявить иск, и саму компенсацию он получит только после вступления в силу судебного решения. Здесь сразу отметим, что причинение морального вреда ввиду прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или оправдания государством презюмируется (ч. 1 ст. 133 УПК РФ). Доказывать нужно только сумму.

Казалось бы, вполне разумный порядок. Однако отвечает ли он критерию своевременности? Редкий случай, когда оправданный сразу же идет в суд с иском о компенсации морального вреда. По нашему опыту, до этого решения проходит не менее пяти месяцев, так как после тяжелого периода в своей жизни человеку нередко нужно, что называется, прийти в себя. Есть и другая проблема. При опросе часть освободившихся и получивших право на реабилитацию указывала, что имели место прямые угрозы от сотрудников правоохранительных органов, связанные с их желанием подать иск. Это послужило существенной задержкой перед подачей искового заявления.

¹² Глыбина А.Н., Якимович Ю.К. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе России. Томск, 2006. С. 84, 85.

¹³ Кони А.Ф. Избр. произв. М., 1956. С. 51.

¹⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 17 апреля 2003 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

Дела подобной категории рассматриваются, как правило, в одно-два заседания. Однако в зависимости от региона перерыв между заседаниями может достигать нескольких месяцев. Нельзя также исключать случаи, когда не пришли необходимые документы из уголовного дела, что, по нашей практике, встречается очень часто. После вынесения судом первой инстанции решения Министерство финансов РФ (именно оно является ответчиком по данным делам¹⁵) в большинстве случаев автоматически обжалует принятое решение. Процедура обжалования отнимает еще от полутора до двух месяцев (30 дней на обжалование и одно заседание). После вступления решения в законную силу и получения исполнительного листа следует отправить заявление об исполнении в Министерство финансов РФ. В последнее время исполнение таких решений занимает не более 10 дней с момента поступления документов.

Таким образом, по вполне объективным причинам компенсация морального вреда поступает к гражданину через год-полтора после получения права на реабилитацию. Даже если подать исковое заявление сразу после прекращения уголовного дела или оправдания, срок получения компенсации нельзя назвать своевременной реакцией государства на ошибку.

Нельзя забывать и о том, что исковое производство требует от человека иногда немалых усилий, особенно от того, который не имеет доступа к постоянной юридической помощи. Не всегда пройти судебную процедуру для лица без профессионального представительства представляется простым делом. Рискнем предположить, что усложненная процедура становится препятствием для подачи подобных исков, и часть пострадавших граждан остается без компенсации морального вреда.

Стоит учитывать и то, что в суде гражданин оказывается еще и в роли доказывающего, т.е., будучи признанным пострадавшим от действий правоохранительных органов, он оказывается в процедуре, где ему надо убедительно доказать, что получить он должен именно эту сумму, которую просит. Противостоят ему, как минимум, Министерство финансов РФ и прокуратура субъекта Федерации (привлекается в качестве третьего

лица¹⁶), а нередко судьи приглашают в качестве третьих лиц следственные подразделения и даже подразделения полиции, которые отвечали за оперативное сопровождение. Таким образом, истец оказывается в суде один, обязанный доказывать, и противостоит ему целая группа государственных органов, имеющих установку отрицать искивые требования во что бы то ни стало. Участие в подобных заседаниях показывает, что уровень волнений и переживаний заявителей (а их участие при рассмотрении вопроса о моральном вреде обязательно) неоправданно высок.

Одним из самых острых вопросов, безусловно, является сумма компенсации морального вреда. Заявитель оказывается перед ситуацией, когда указывает сумму и получает вопросы о том, почему именно столько. Ответ: “я так чувствую”, – редко устраивает суд, ответчиков и третьих лиц. Иного же ответа быть не может, поскольку вопрос о критериях взыскания морального вреда не решен до сих пор (и вряд ли может быть решен, хотя попытки, в том числе с формулами расчета конкретных сумм, были¹⁷). Исследователи гражданского права напрямую пишут об отсутствии инструмента для точного определения компенсации и “легализованном свободном судебском усмотрении при определении размера компенсации морального вреда”¹⁸, а также отводят одну из ведущих ролей в определении взыскания складывающейся судебной практике¹⁹. Заявитель оказывается в ловушке, когда ему предлагают обосновать сумму расчетом, но сделать это принципиально никак нельзя.

В результате размер компенсации в большей части зависит от усмотрения судьи, которое, в свою очередь основано на некоторой негласной планке для такой категории дел, принятой в регионе, и от личных качеств и опыта самого судьи, от его впечатлений от заявителя и обстоятельств его дела. Говорить здесь о справедливости и обоснованности компенсации практически не приходится.

¹⁶ См.: Совместный приказ Генерального прокурора РФ и министра финансов РФ от 20 января 2009 г. № 12/Зн // СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁷ См., например: *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда. Комментарий. М., 2000.

¹⁸ *Карномазов А.И.* Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 10–19.

¹⁹ См.: *Марченко С.В., Лазарева-Пацкая Н.В.* Проблемы компенсации морального вреда в зеркале российского права // Адвокатская практика. 2004. № 5 // СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁵ Если быть точнее – приказом Министерства финансов РФ № 114н и Федерального казначейства № 9н от 25 августа 2006 г. организация и ведение в судах работы по выступлению от имени казны Российской Федерации возложены на управления федерального казначейства по субъектам РФ.

Если попытаться найти хоть какой-то параметр, чтобы показать уровень компенсации, то можно очень условно взять “цену” одного дня, незаконно проведенного заявителем в ИВС, СИЗО или уже в колонии. В таком случае сумма, например, в Красноярском крае по практике за последние два года составляет от 600 до 1700 руб. (как правило, чем меньше такая усредненная сумма, тем больше в СИЗО пробыл человек) в зависимости от обстоятельств дела. Правда, тут необходимо помнить, что страдания с каждым днем усиливаются, а не остаются на одном уровне. В деле могло быть также очень долгое следствие, применены иные меры пресечения, могло повлиять на сумму здоровье заявителя и т.п. Так что этот показатель исключительно для хоть какой-то обобщенной иллюстрации.

В целом же критериев для подсчета точной суммы нет и вряд ли они могут быть. На практике основными критериями, которым руководствуется суд, является тяжесть предъявленного обвинения, общий срок разбирательства по уголовному делу, длительность и тяжесть меры пресечения, отсутствие судимостей у заявителя ранее. В решениях суда, как правило, содержатся общие фразы о том, что суд учитывает все обстоятельства.

Заставляя заявителей оценивать в рублях каждую часть своих переживаний и обосновывать это перед судом, ответчиком и третьими лицами на протяжении нескольких месяцев, государство вряд ли способствует своевременному и полному заглаживанию причиненного вреда.

Прежде чем перейти к предложениям о том, что можно было бы изменить, остановимся на компенсации имущественного вреда. Этот вопрос формально рассматривается в рамках уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 399 УПК РФ, что создает немного иную, более легкую, казалось бы, ситуацию для заявителя. В частности, на нем не лежит бремя доказывания, о чем специально указал Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 Постановления от 29 ноября 2011 г.: “Учитывая, что уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при рассмотрении требований реабилитированных о возмещении такого вреда суд в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для

разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию”, т.е. заявитель обращается в суд за помощью и суд обязан предпринять все меры, чтобы посчитать все до копейки.

Опрос заявителей и опыт представления их интересов показывает, что это перерастает в обычный гражданский процесс. Заявителя также подробно расспрашивают по каждой бумажке, каждому чеку, просят представить доказательства и т.п. Если у заявителя есть профессиональный представитель или адвокат, он, конечно, может справиться с этой ситуацией, но в целом – не представил, не объяснил, не доказал необходимости трат – в этой части будет отказано. Обосновывать так или иначе приходится все: от разумности траты денег на адвоката до чеков на проезд до дома после освобождения – процедура, слабо связанная, на наш взгляд, с быстрой и адекватной реакцией государства на ошибки правоохранительных органов.

Нередки предложения процессуалистов рассматривать вопросы возмещения морального и имущественного вреда в одном производстве в рамках уголовного процесса²⁰. С учетом изложенных нами проблем с рассмотрением указанных дел не думаем, что это серьезно изменит ситуацию. Однако если никаких иных перемен не будет, то требование рассматривать оба дела – о компенсации морального вреда (рассматривается по месту нахождения ответчика) и о возмещении материального вреда (рассматривается судом, вынесшим приговор) хоть нанемного, но сможет облегчить положение заявителя, так как сейчас ему приходится обращаться, как правило, в два разных суда, а это делает сложным одновременное обращение: и для первого, и для второго дела часто нужны одни и те же материалы. В дальнейшем это приводит к тому, что тратится время на пересылку материалов из одного суда в другой.

Мы предлагаем кардинально изменить процедуру получения гражданином, имеющим право на реабилитацию, компенсации и возмещения вреда. Основными критериями для наших предложений явились своевременность выплаты – в максимально короткие сроки после получения

²⁰ См., например: *Нарижский С.* Компенсация морального вреда пострадавшим от судебно-следственных ошибок // *Росс. юстиция.* 1997. № 10. С. 40–42; *Глыбина А.Н., Якимович Ю.К.* Указ. соч. С. 86; *Шалумова Н.Э.* Проблемы организации работы правоохранительных и судебных органов по реабилитации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 12.

права на реабилитацию, а также простота процедуры для заявителя.

В ситуации, когда государство презюмирует моральный и имущественный вред, считаем излишним доказывание его размера в отдельных процедурах по отдельным правилам. Компенсация должна выплачиваться уполномоченным органом по предъявлении заявления и документа, свидетельствующего о праве на реабилитацию. При этом гражданин должен быть максимально подробно извещен о том, когда и куда он может обратиться. Нелишним будет и дополнительное извещение со стороны органа, уполномоченного выплачивать денежные средства. В этой части мы согласны с тем, что возмещение имущественного вреда, компенсация морального вреда и восстановление в других правах должны происходить по инициативе органов государства²¹, а процедура должна быть максимально простой. Здесь уместно, кстати, заметить, что еще в 1883 г. И.Я. Фойницкий указывал на возможную иную природу данных выплат – компенсация как государственное пособие нуждающемуся²². Мы полагаем, что вопрос природы такой выплаты нуждается в более серьезном рассмотрении.

Ключевой вопрос здесь – размер компенсации, который должен быть единым и определяться по общим правилам. С учетом того, что четкие критерии подобных расчетов, как мы уже указывали, выработать практически невозможно, то можно императивно со стороны государства обозначить суммы, компенсации, основанные на сложившейся судебной практике, но с увеличением в силу того, что большинством решений взыскиваются суммы, существенно ниже тех, что были заявлены. Суммы должны различаться по таким признакам, как срок следствия и суда, применение меры пресечения и т.п. Главное – не превращать это в сложную таблицу коэффициентов, по поводу применения которых вновь будут возникать споры.

Имущественный вред может рассчитываться, исходя из увеличенной (чтобы сразу же покрыть другие расходы без собирания чеков и документов) средней заработной платы по региону. Единственное, что мы отнесли бы к вопросу, который следует решить в ходе судебного разбиратель-

ства, – это вопрос о взыскании расходов на оказание юридической помощи, так как необходимо оценить обоснованность заявленной суммы.

Мы просим читателя не поддаваться соблазну тотчас же критиковать предложенные механизмы. Основная идея заключается в том, чтобы заявитель, имеющий право на реабилитацию, практически сразу получал сумму, достаточную для того, чтобы хоть как-то прийти в норму после тяжелого (возможно, самого тяжелого) периода своей жизни. Если эта идея разделяется государством и если оно хочет продемонстрировать истинную гуманность и заботу о доверии своих граждан, то дальше дело – за механизмами реализации.

И только в случае, если некая фиксированная сумма неспособна, по мнению гражданина, загладить имущественный и моральный вред, причиненный ему правоохранительными органами, тогда он, конечно, может обратиться в суд и доказать, что выплаченная сумма конкретно для его обстоятельств мала. В этом смысле (еще раз повторимся) важно, чтобы размер фиксированной компенсации был таковым, чтобы не воспринимался пострадавшим как насмешка над его переживаниями.

Похожие идеи были высказаны М.В. Максименко, который пишет, в частности, что необходимо установить минимальный размер компенсации морального вреда, который должен возмещаться реабилитированному без специального обращения в суд²³.

Есть и другие способы ускорения получения компенсации, например известный еще с XIX в. механизм, когда при вынесении решения, дающего право на реабилитацию, судья или иное уполномоченное лицо решают вопрос о выплате компенсации. В современной ситуации даже этот подход был бы некоторым прорывом, но он сохраняет в себе все те минусы, которые имеются помимо решения вопроса о своевременности компенсации. Это – то же судебное разбирательство, где действуют правила, обязывающие что-то кому-то обосновывать и доказывать.

Получение компенсации в фиксированной сумме без лишних процедур убирает все те препятствия к реализации права на реабилитацию, которые рассмотрены выше. А самое главное – оно позволяет государству максимально сохранить свое лицо и вовремя отреагировать на ошибку настолько эффективно, насколько это возможно.

²¹ См.: Шумило Н.Е. Влияние идей И.Я. Фойницкого на становление института реабилитации в уголовном процессе Украины // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=336 (Дата обращения: 25 августа 2014 г.); Бетров С.А. Институт реабилитации в уголовном процессе России. Дисс. ... канд. юрид. наук, СПб., 2006. С. 15, 16.

²² См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 48, 56.

²³ См.: Максименко М.В. Реабилитация в суде первой инстанции. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 7, 24.

Пока же мы наблюдаем ситуацию, при которой все вокруг не замечают оправданного человека, спорят с ним, заставляют что-то доказывать, и все это происходит очень долго. Самое интересное и даже опасное: все, что описано выше, происходит в рамках права без формального нарушения норм, что, безусловно, можно квалифицировать в качестве юридических препятствий в реализации прав и законных интересов²⁴.

В завершение хотелось бы остановиться на еще одном, хотя и частном, но очень важном для лиц, получивших право на реабилитацию, вопросе – о “защите” денежных сумм, полученных в рамках процедуры реабилитации от взыскания. Дело в том, что полученные реабилитированным суммы не входят в перечень видов доходов, на которые не может быть обращено взыскание (ст. 101 Федерального закона “Об исполнительном производстве” от 2 октября 2007 г.²⁵), что создает немало проблем с их получением.

За время расследования, судебного разбирательства вряд ли можно требовать от человека трепетного отношения к своим обязательствам, тем более если речь идет о применении меры пресечения, которая объективно не позволяет реализовать свои субъективные права и выполнить обязанности. Возникает масса претензий к освободившемуся, например, из СИЗО от контрагентов (наиболее частыми из которых в подобных случаях выступают банки, где был ранее взят кредит), налоговых органов, пенсионного фонда и т.п. Часть из указанных субъектов уже обратилась в суд и получила исполнительные документы. Далеко не всегда претензии контрагентов и государственных органов обоснованны. В ряде случаев нахождение под стражей или даже подписка о невыезде способны повлиять на гражданские обязательства. Бывают случаи, когда потерпевшие уже взыскали денежные средства, а дело позже было пересмотрено.

Для того чтобы разобраться с этим, реабилитированному лицу, безусловно, нужно время. Но на момент его возвращения в нормальную жизнь может иметься уже несколько исполнительных листов. При поступлении компенсации морального и имущественного вреда деньгами нельзя воспользоваться, и они идут на погашение обязательств.

Так, в одном из дел Красноярского края пробиравший незаконно в СИЗО два года гражданин после освобождения узнал о 15 судебных приказах,

которые с него взысканы денежные средства. Все приказы были отменены в дальнейшем, а начавшиеся исковые производства в ряде случаев привели к отказу в удовлетворении исков. Однако все это время гражданин вынужден был не отправлять заявление в Министерство финансов РФ, так как при поступлении денежных средств на каждый открытый счет банки исполняли требования судебного пристава о перечислении необходимых сумм взыскателю.

Данный пример (а он далеко не единственный) приводит к мысли о том, что денежные суммы, полученные в качестве компенсации за моральный и имущественный вред, в порядке реабилитации должны быть включены в перечень доходов, на которые не может быть обращено взыскание. Иное не позволяет в полной мере воспользоваться правом на реабилитацию. Чрезвычайная ситуация не позволяет в полной мере контролировать выполнение своих обязательств, допускает злоупотребления со стороны контрагентов, не всегда дает возможность защитить себя. Человек сам должен решить, как именно он воспользуется указанной компенсацией. К тому же указанная компенсация по своей природе не выбивается из имеющегося перечня.

Все сказанное выше показывает, что можно вроде бы урегулировать ту или иную ситуацию правом, но такое регулирование совсем не соответствует назначению заявленного права. Существующая сегодня процедура реабилитации не отвечает своему назначению – своевременно и полно реагировать на факт незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного или ошибочного привлечения в качестве подозреваемого и обвиняемого и максимально компенсировать причиненный вред. Нами поставлены проблемы и лишь намечены некоторые пути решения.

Считаем, что введение упрощенных процедур получения компенсаций, в частности, не будет экономически невыгодным (да и можно ли здесь рассуждать с этих позиций?). “Этою скромною, для общества совершенно незаметною цифрою приобретает общее успокоение в том, что дело правосудия не нуждается в несправедливых жертвоприношениях”²⁶. Кроме того, предложенные меры помогут скорее разгрузить суды, не привлекать лишних работников для участия в судебных заседаниях и т.п. Но главное здесь – эффект доверия к государству и его институтам. Он не измеряем здесь и сейчас, но когда государство не заботится о своих гражданах, есть большой риск, что граждане перестанут заботиться о своем государстве.

²⁴ См.: Панченко В.Ю. О понятии юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Академ. юрид. журнал. 2013. № 3. С. 10–18.

²⁵ См.: СПС “КонсультантПлюс”.

²⁶ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 44.